

A movie poster for 'The Mermaid: The Island of Sirens'. The central image shows a man and a woman in a romantic embrace. The man has long, wavy brown hair and is wearing a dark, intricately detailed suit with a high collar and a watch on his left wrist. The woman has long, wavy brown hair and is wearing a light-colored, strapless dress. They are standing in front of a large, ornate castle with many spires and towers, set against a dramatic sky with clouds and a bright light source. The overall tone is romantic and fantastical.

НЭЛИАН БРО

СИРЕНА

ОСТРОВ СЕИРИН

Нэлиан Бро Сирена. Остров Сейрин.

<https://litres.ru/74221493>

Аннотация

В сердце таинственного королевства Сейрин разворачивается история запретной страсти, способной потрясти миры. Молодой принц, пленённый красотой Сирены, оказывается на грани безумия: её чарующий голос сулит гибель, но её одиночество в морских глубинах становится его навязчивой мечтой. Он готов бросить вызов всему — скрыть её от глаз мира, превратив в сокровище, которое принадлежит лишь ему. Но как уберечь любовь, если сама природа враждебна? Она — воплощение опасности, легенда, чьи песни губят мореходов; он — наследник престола, чьё сердце разрывается между долгом и всепоглощающим желанием. Их миры разделены бездной, а взаимопонимание кажется невозможным... но может ли страсть, зажжённая вопреки рассудку, стать сильнее страха и смерти?

В этой истории, где каждая волна таит роковые секреты, а любовь граничит с одержимостью, героям предстоит выбрать: пожертвовать ли счастьем ради безопасности или бросить вызов судьбе.

Дорогие читатели, буду благодарна вам за обратную связь в комментариях. Не забывайте подписываться, чтобы не

пропустить обновление и нажимать звездочку. Так же у книги есть Буктрейлер.

Содержание

Пролог	5
1 глава	9
2 глава	17
3 глава	25
4 глава	34
5 глава	41
6 глава	48
7 глава	56
8 глава	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пролог

Тысячу лет назад остров Сейрин, окутанный туманами и омываемый ледяными волнами Северного моря, стал пристанищем для существ, чьи голоса сводили с ума даже самых стойких мужчин. Сирены. Никто не видел их лиц, но каждый житель острова знал: их песни — предвестник беды. Говорили, что рождены они были из слез утонувшей невесты морского бога, чей корабль разбился о скалы в ночь свадьбы. С тех пор раз в десять лет, когда луна становилась кроваво-красной, сирены обретали человеческий облик, чтобы найти того, кто добровольно отдаст сердце и жизнь морской пучине.

Мужчины Сейрина исчезали в туманные ночи, следуя за эхом мелодий, что лились сквозь вой ветра. Их тела не находили — лишь на песке порой виднелись следы, обрывающиеся у кромки прибоя. Со временем страх превратился в ярость. Рыбаки клялись охотиться на «морских ведьм», а старейшины шептались, что убить сирену можно лишь медным кинжалом, выкованным под полнолуние. Но поймать их считалось невозможным... пока не явился Эйнар.

Эйнар, грубый и молчаливый рыбак, потерял брата в ту самую ночь, когда над островом повисла алая луна. Десять лет он плел сеть из льняных нитей, пропитанных смолой священных сосен, и вплетал в узлы медные колокольчики — те

самые, что звенели на шеях жертв сирен. Когда небо вновь заалело, он вышел в море, бросив якорь у Чёрной скалы, где, по преданиям, открывался портал в их мир.

Той ночью шторм бил так яростно, что даже бывалые моряки молились в хижинах. Но Эйнар ждал. И тогда сквозь рёв волн прорвался голос — чистый, как первый луч солнца после бури. Песня обволакивала разум, звала к себе, но рыбак заткнул уши воском и бросил сеть. Медь зазвенела, вода вспенилась, и в ловушке забилося нечто... неземное.

Во дворце правителя Сейрина, где стены помнили крики казнённых мятежников, Эйнар предстал с добычей. Сирена, покрытая перламутровой чешуей, с волосами цвета морской пены, билась в сетях, но ее голос, лишённый магии, звучал как плач ребенка. «Убейте её!» — требовал Эйнар, но старейший жрец острова приказал запереть существо в подземелье. «Её сила — в песне. Без моря она умрёт сама», — сказал он.

Через три дня от сирены остались лишь чешуйки, рассыпавшиеся в прах, да странный жемчуг, светящийся в темноте. Эти останки запечатали в хрустальный ларец и спрятали. Где именно, никто не знал. Кто-то говорил, что их выкрал сам Эйнар, а кто-то считал, что останки забрали другие сирены.

После этого случая, сирен никто не видел...

— Матушка, мне бы так хотелось на них взглянуть, хотя

бы одним глазком.

— Ох, милый. Сирены – это всего лишь легенда, выдумка. Не придавай этому большого значения.

Мальчик, сидя на коленях у матери, вздохнул и прижался к ней крепче. За окном бушевала метель, завывая словно те самые сирены из страшных сказок.

— Но дедушка говорил...— начал он, но мать ласково прикрыла его рот рукой.

— Дедушка любил приукрасить, ты же знаешь. Спи, мой хороший. Никакие сирены тебе не страшны.

В ту ночь мальчику приснился сон: где он стоит на берегу, а перед ним — море, черное и бездонное. И из глубины, словно из другого мира, поднимается прекрасное существо. Ее глаза полны грусти, а волосы цвета ночи переливались в лунном свете. Она поет. Не песню, а скорее зов, полный тоски и одиночества. Мальчик протягивает к ней руку, и она касается его пальцев своими ледяными ладонями.

Проснувшись в холодном поту, мальчик долго не мог уснуть. Образ сирены преследовал его, словно отпечаток на сетчатке глаза. Он чувствовал ее боль, ее одиночество, и странное необъяснимое влечение. С этого дня легенда о сиренах перестала быть просто сказкой на ночь. Она стала частью его самого, тайной, которую необходимо разгадать.

Годы шли, мальчик рос, а вместе с ним росла и его одержимость сиренами. Он перечитал все книги в библиотеке, касающиеся морских легенд, расспрашивал стариков, пом-

нивших рассказы своих дедов. И чем больше он узнавал, тем сильнее чувствовал, что в преданиях Сейрина скрыта истина, гораздо более сложная и трагичная, чем просто истории о злобных искусительницах. Он начал понимать, что сирены – не чудовища, а существа, загнанные в угол людской жестокостью и страхом.

1 глава

Двадцать лет спустя.

Солнечный луч, пробившийся сквозь зубчатые стены замка, дрожал на лезвии клинка, словно живое существо, пытающееся ускользнуть от стали. Воздух тренировочного двора был густ от запаха раскаленного железа, сосновой смолы и соли, принесенной ветром с ближнего моря. Здесь, среди звонких ударов мечей и хриплых возгласов оруженосцев, я находил отголосок свободы — той, что давно потеряла королевская кровь в моих жилах.

— Ваше Высочество... Ваше Высочество... — голос Фредрика, словно сквозь вату времени, достиг моего сознания лишь на третьем повторе.

Я резко отпрыгнул назад, едва успев подставить гарду под удар, который мог бы раскроить мне плечо. Металл взвыл, высекая искры, а мой оруженосец, юный Тобиас, застыл в полушаге, его лицо, обезображенное шрамом от оспы, искалось в немой панике.

— Простите, принц! — прохрипел он, опуская меч.

— Не извиняйся, — я вытер тыльной стороной ладони пот, жгучий, как уксус, на губах. — Лучше научись бить без предупреждения.

Фредрик, не меняя скорбного выражения, протянул шел-

ковый платок с вышитым драконом — символом нашего дома. Его пальцы, обтянутые перчатками цвета воронова крыла, дрожали едва заметно.

— Что такое, Фредрик? — выдохнул я, стараясь скрыть раздражающие нотки в голосе.

— Его Величество Вильер дэ Пан пожелал видеть вас немедленно в своих покоях, — прошептал он, теребя перчатки с вышитыми гербами Сейрина.

Я вытер пот со лба и отбросил меч оруженосцу. Отец не любил, когда ему приходилось ждать, особенно если дело касалось государственных дел.

А в последнее время таких дел было невпроворот.

Королевство Сейрин, несмотря на свои скромные размеры, всегда было лакомым куском для соседей. Богатые рыбные угодья, залежи серебра и стратегически важное положение на перекрестке торговых путей — все это делало нас уязвимыми.

Войдя в покои я увидел отца, стоявшего у стола заваленного свитками, его тень, искаженная светом канделябров, плясала на гобеленах с изображением битвы при Лэрском проливе. На груди у него висел медальон матери — единственное, что он не снимал со дня ее смерти.

— Ты опоздал на семь минут, — произнес он, не глядя.

— Тренировка...

— Отговорки оставь для придворных сплетников.

Наконец он поднял глаза, и я увидел в них то, что прятал

лось за маской властителя — усталость. Глубокую, как морские впадины у скал Геллранда.

— Садись, Рафаэль.

Карта между нами дышала кровавыми метками: черные флаги Иррена у восточных островов. Их уже видно с наблюдательной башни на горном хребте Вэрхейма. Но самый яркий значок — серебряный якорь — стоял на юге, там, где синие воды Вэльса омывали наши пустынные берега.

— Ты отправишься в Вэльс через пару дней на корабле вместе с их послом, который прибудет сюда уже завтра, — отец ткнул перстнем в серебряную метку. — Встретишься с принцессой Лирой. Через полгода, в день твоей коронации, вы обручитесь.

Тишина взорвалась в ушах. Я сжал ручки кресла, ощущая резь позолоченных львов под пальцами.

— Это... шутка? — слова вырвались прежде, чем успел сдержаться.

— Шутить с судьбой королевства? — Он усмехнулся сухо. — Вэльс предлагает союз. Их флот втрое превосходит ирренский. Их алхимики создали порох, горящий даже под водой. А ты... — он провел рукой над картой, — ты получишь не только жену, но и ключ к выживанию Сейрина.

— А если я откажусь? — Голос дрогнул, предательски.

Отец медленно поднял медальон к губам — жест, который он совершал лишь в моменты крайнего напряжения.

— Тогда завтра же Вильгельм возглавит посольство. И

станет наследником.

Удар оказался точнее любого клинка. Младший брат, чьи белокурые локоны и поэтические сонеты сводили с ума придворных дам, чьи пальцы никогда не знали мозолей от меча...

— Вы бы не посмели, — прошептал я, но отец уже отвернулся к окну, где багровый закат пожирал горизонт.

— Выбор за тобой, сын мой. Но помни: короли не выбирают. Их выбирает долг.

— Хорошо, отец, — произнес я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я отправлюсь в Вэльс. Но позвольте мне хотя бы самому выбрать свиту, которая будет меня сопровождать.

Отец задумался на мгновение, а затем кивнул.

— Это разумно. Выбери тех, кому доверяешь. Но помни, Рафаэль, ты представляешь не только себя, но и Королевство Сейрин. Твои действия должны быть взвешенными и обдуманными. Не допусти никаких ошибок, которые могут поставить под угрозу наш союз. В твоём распоряжении сутки. Ступай.

Я встал с кресла и, поклонившись отцу, вышел из покоев, чувствуя, как меня переполняет ярость. Неужели моя жизнь — лишь пешка в политической игре? Неужели мои чувства и желания ничего не значат? В голове крутились обрывки фраз, планы, мечты, которым теперь не суждено сбыться. Большая Охота, которую я ждал целый год, превратилась в фарс. Вместо нее — скучная поездка к незнакомой принцес-

се, с которой я должен связать свою судьбу.

Направляясь в казармы, я обдумывал, кого взять с собой в Вэльс. Нужны были не только верные воины, но и люди, умеющие держать язык за зубами. Мой друг Кристоф, капитан гвардии, был предан мне до последнего вздоха. Он не задавал лишних вопросов и всегда готов был прикрыть спину в бою. Ему я мог доверять, как самому себе. Вторым я выбрал старого Ганса, моего учителя фехтования. Он был не только отличным воином, но и мудрым советником, способным увидеть ситуацию с разных сторон. Его опыт мог пригодиться в незнакомой обстановке.

В казарме пахло дегтем и мужским потом. Кристоф, начищавший доспехи у бойницы, вскочил так резко, что медный нагрудник с грохотом рухнул на каменный пол.

— Клянусь, принц, я не трогал твое вино! — выпалил он, тараща голубые глаза, всегда лучившиеся смехом, даже в самые мрачные дни.

— Мне нужна свита в Вэльс, — выпалил я, срывая с вешалки плащ. — Ты и Ганс.

Его улыбка померкла. Капитан гвардии, чей дед погиб, защищая моего отца во время мятежа 35-го года, не задавал лишних вопросов. Но старый Ганс, выползая из-за бочки с яблочным сидром, хмыкнул:

— В Вэльс? Значит, старый лис решил продать тебя, как барана на ярмарке?

— Ганс! – ахнул Кристоф, но учитель фехтования лишь

отхлебнул из кубка, его единственный глаз (второй поглотила стрела варваров двадцать лет назад) сверкнул насмешливо.

— Правда режет острее меча, мальчик. — Он подошел ближе, и я вновь ощутил запах можжевельника и старости, исходивший от него.

— Но если уж ехать на убой, возьму свой лучший клинок. Для них... или для тебя.

Его слова меня немного успокоили, но тяжесть на сердце не исчезла.

Ночь пришла, принеся с собой шепот приливов. В камине моих покоев трещали поленья, вырисовывая в углях лица прошлого: мать, читавшая сказки у этого же очага, ее палец, водивший по страницам с иллюстрациями сирен...

«Они поют для тех, кто на краю выбора, — говорила она, оборачиваясь к окну, за которым бушевало море. — Их песня — и милость, и проклятие. Но помни, Рафи: даже сирена когда-то была человеком...»

Пламя вздрогнуло, вырвав меня из воспоминаний. Что-то звало — не голосом, а пульсацией в крови, как магнитная жила, тянущая железо. Я шагнул к окну, распахнул ставни...

Ночной воздух обжег прохладой и запахом моря. Полная луна заливала своим призрачным светом королевский сад, превращая привычные очертания деревьев и кустов в загадочные силуэты. Поддавшись порыву, я перелез через подоконник и спрыгнул на мягкую траву. Охрана несла вахту, но

я знал каждый уголок сада и мог обойти их незамеченным. Мне нужно было к морю.

Добравшись до берега, я сел на холодные камни и устремил взгляд в бескрайнюю даль. Волны тихо шептали, разбиваясь о прибрежные скалы. Казалось, море делится со мной своей печалью. В голове звучали отголоски материнских сказок о сиренах, их чарующих голосах и трагической судьбе. Неужели и меня ждет такая же участь — быть пленником долга, лишенным свободы выбора? Ярость и отчаяние вновь захлестнули меня. Я сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Внезапно, тишину ночи пронзил тихий, мелодичный звук. Он лился словно из самой глубины моря, завораживая и маня. Это был голос, полный тоски и печали, но в то же время невероятно прекрасный.

Я замер, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть это волшебное видение. Мое сердце бешено колотилось в груди, и я чувствовал, как по телу пробегает дрожь. Неужели легенды, рассказанные матерью, были правдой? Неужели сирены действительно существуют?

Звук становился все громче и ближе, словно кто-то звал меня по имени. И тогда, в лунном свете, я увидел ее. Из пены, как статуя, вылепленная из лунного света, поднялась девушка. Ее кожа переливалась перламутром, волосы, темнее моей ярости, обвивали тело, как водоросли. Но глаза... Боги, глаза! Два изумруда, горящих внутренним огнем, прон-

зили меня насквозь.

Дева стояла обнаженная, и ее тело было воплощением морской стихии: изгибы бедер, словно выточенные волнами, грудь, поднимавшаяся в такт дыханию.

Она смотрела на меня с грустью и надеждой, и я понял, что моя жизнь уже никогда не будет прежней.

Она протянула ко мне руку, словно приглашая в свой мир. Я не мог отвести взгляд от ее глаз, чувствуя, как теряю связь с реальностью. Все мои планы, все мои обязательства перед королевством, казалось, растворились в этом лунном свете. Осталась лишь она – прекрасная дева, вышедшая из морской пены, и нестерпимое желание коснуться ее, узнать, что скрывается за этой неземной красотой.

2 глава

Дева сделала пару шагов, сократив между нами расстояние, а после рухнула в воду, теряя сознание.

Инстинкт сработал быстрее разума. Я бросился в воду, не чувствуя ледяного холода, сковывающего тело. Подхватил ее на руки, ощущая странную легкость и гладкость ее кожи. Вынес на берег, уложил на песок, словно драгоценную ношу. Она была без сознания, но дышала ровно, и я, немного успокоившись, осмотрелся.

То щемяще знакомое скользнуло в памяти — словно я видел её во сне, который забыл к утру.

Я склонился над ней, рассматривая черты ее лица. Изящный нос, чувственные пухлые губы, высокие скулы — в них было что-то неземное, волшебное.

Осторожно прикоснувшись к её щеке, я ощутил, как по пальцам пробежали искры, будто между нами вспыхнула невидимая нить. Ее веки дрогнули, и она медленно открыла глаза. Взгляд ее был рассеянным и пустым, словно она не понимала, где находится. Но постепенно в изумрудных омутх зажглись искры сознания, и она сфокусировалась на мне. Её глаза, полные немого ужаса, метались между мной и горизонтом. Она попыталась отползти, но я удержал ее, чувствуя, как бьется ее сердце — быстро и испуганно.

— Не бойся, я не причиню тебе вреда, — проговорил я,

смягчая голос, как учила мать, когда успокаивала испуганных жеребят.— Кто ты?

Дева молчала, лишь смотрела на меня своими изумрудными глазами, полными смятения. Я понимал, что она напугана и не знает, чего ожидать от незнакомца. Тогда я решил действовать осторожно, не давить на нее.

— Меня зовут Рафаэль, — представился я. — Я кронпринц Сейрина. Что ты здесь делаешь совсем одна? Тебе нужна помощь?

Она продолжала молчать, будто не понимая моих слов. Я попробовал говорить медленнее и четче, но она лишь смотрела на меня с недоумением. Тогда я понял, что она, возможно, не говорит на моем языке. Я попытался вспомнить несколько фраз на языке моряков, который изучал в детстве, но это не помогло. Она по-прежнему не понимала меня.

Отчаяние медленно подкрадывалось, но я не сдавался. Инстинктивно, я попытался установить контакт через прикосновение. Осторожно взял ее ладонь в свою, надеясь передать ей частичку своего спокойствия. Она вздрогнула и начала шипеть на меня, словно дикая кошка.

Я отдернул руку, пораженный ее реакцией. Неужели она и правда не понимает меня? Неужели между нами такая огромная пропасть, что даже простое прикосновение вызывает у нее страх и агрессию? В голове роились вопросы, на которые не было ответов. Но одно я знал точно: я не мог ее бросить. Не мог оставить ее одну на берегу, беспомощную

и испуганную. Что-то в ней, в ее изумрудных глазах, в ее неземной красоте, заставляло меня чувствовать необъяснимую связь.

Приняв решение, я поднял ее на руки, несмотря на ее сопротивление. Она отчаянно пыталась вырваться, царапалась и кусалась, но я крепко держал ее, стараясь не причинить боли.

— Тихо, тихо, я просто хочу помочь тебе, — повторял я, надеясь, что хоть что-то из моих слов до нее дойдет. Я понес ее в замок, зная, что меня ждут последствия. Охрана, наверняка, заметила мое отсутствие, и мои действия будут расценены как безумие. Но в тот момент меня это не волновало. Я чувствовал ответственность за эту девушку, ответственность за ее жизнь и ее будущее.

Я понимал, что скрывать ее будет непросто, но был полон решимости сделать все возможное, чтобы защитить ее.

В покои я пронес ее незамеченным, воспользовавшись потайными ходами, известными лишь королевской семье. Уложив деву на свою постель, я оглядел ее с беспокойством. На коже проступили красные полосы от моего крепкого объятия, и меня кольнуло чувство вины. Я принес ей чистую воду и мягкое полотенце, чтобы обтереть ее тело от морской соли.

Ее обнаженное тело, лишенное земной стыдливости, казалось созданным из самой сути океана. Капли воды, словно бриллиантовая роса, стекали по изгибам талии, растворяясь в складках простыни.

Она настороженно наблюдала за каждым моим движением, словно дикий зверь, загнанный в клетку. Я намочил полотенце и аккуратно прикоснулся к ее лбу, стараясь быть максимально нежным. Она вздрогнула, но не оттолкнула меня. Медленно, осторожно, я начал обтирать ее лицо, шею, плечи. Она зажмурилась, словно ей было больно, но продолжала лежать неподвижно.

Закончив с омовением, я принес ей свою лучшую шелковую рубашу – единственное, что могло хоть немного согреть ее продрогшее тело. Она с подозрением посмотрела на ткань, но не отказалась. Я помог ей надеть рубашу, стараясь не касаться ее кожи. Она по-прежнему молчала, лишь ее изумрудные глаза выражали страх и недоверие. Я укрыл ее одеялом, оставил кувшин с водой и немного фруктов на столе, и тихо вышел из комнаты, оставив ее одну.

Нужно было осознать что я только сделал и что произошло. В моих покоях сейчас лежит сама сирена, моя детская мечта.

За дверью, прислонившись к стене, я дал волю чувствам. Сердце колотилось в груди, в голове царил хаос. Что это было? Наваждение? Безумный сон? Или я действительно спас сирену, существо из легенд и сказок, которые мне рассказывала матушка в детстве? Неужели мифы оказались правдой? Вопросы, вопросы, вопросы... Они терзали меня, не давая сосредоточиться.

Стены коридора, увешанные портретами предков, будто

сжались вокруг. Их масляные глаза следили за мной, осуждающе, насмешливо.

— Безумец, — шептали скрипучие рамы. — Он обрѣк нас всех.

Я сжал виски, пытаюсь заглушить навязчивый голосок, вынырнувший из глубин памяти:

«Они поют для тех, кто на краю выбора...»

Выбора. Смешно. У принца нет выбора — только цепь обязательств, звенья которой ковались столетиями. Я толкнул дверь в гардеробную, где запах лаванды и старого дерева на мгновение перебил морскую соль, ввевшуюся в кожу.

— Ваше Высочество? — Фредрик, вечный как лунный прилив, возник из тени с кипой свежевыглаженных рубаш. Его брови поползли вверх, заметив мои мокрые штаны.

— Вам... потребуется помощь?

— Нет. — Я сорвал с вешалки чистую рубашу со штанами и принялся переодеваться.

— Прикажи служанкам не беспокоить меня до утра. Скажи... — мозг лихорадочно искал предлог, — скажи, я готовлюсь к аудиенции с послом Вэльса.

Он поклонился, но взгляд его скользнул к двери моих покоев — туда, где за резными панелями из ореха находилась моя неземная тайна.

Фредрик был слишком предан, чтобы задавать вопросы, но и достаточно опытен, чтобы понимать: что-то произошло. Его молчание давило сильнее тысячи расспросов. Закончив

переодевание, я прошел мимо него, чувствуя на себе тяжелый взгляд. В груди поселилась тревога. Фредрик служил нашей семье верой и правдой, но он также был частью системы, частью двора, где каждый шорох, каждый взгляд имел значение.

Вернувшись в комнату, я застал девушку сидящей на кровати. Рубашка, хоть и большая ей, казалась нелепым коконом, скрывающим ее неземную красоту. Она держала в руках одно из яблок, оставленных мной, и внимательно рассматривала его, словно никогда раньше не видела ничего подобного. На ее лице мелькнула тень любопытства.

Я тихо подошел к ней, стараясь не напугать. Присел на край кровати, соблюдая дистанцию. Протянул руку и взял другое яблоко, надкусил его. Она наблюдала за мной, не отрывая взгляда. Затем, неуверенно, поднесла свое яблоко ко рту и откусила кусочек. Сок потек по ее подбородку. В изумрудных глазах вспыхнул слабый огонек интереса.

Я улыбнулся ей, стараясь показать, что она в безопасности. Взял мягкую ткань и осторожно вытер сок с ее подбородка. Она не отстранилась. С каждым мгновением, проведенным рядом с ней, страх в ее глазах, казалось, отступал. Она была как дикий зверь, постепенно привыкающий к клетке, но еще не готовый довериться человеку. Я чувствовал, что между нами зарождается хрупкая нить понимания, связь, основанная не на словах, а на простых жестах и взглядах.

Ночь тянулась бесконечно. Я не мог сомкнуть глаз, воро-

чаясь в кресле у камина. Мысли о сирене в моей постели не давали мне покоя. Я слышал, как она тихо ворочается, видел ее силуэт в лунном свете, проникающем сквозь щели в шторах.

Мне до дрожи в пальцах хотелось к ней прикоснуться.

В какой-то момент, я не выдержал. Поднялся с кресла и тихо подошел к кровати. Она не спала, смотрела на меня своими огромными, зелеными глазами. В них больше не было ужаса, только настороженность и... любопытство? Я опустился на колени рядом с кроватью, взял ее руку в свою. Ее кожа была прохладной и гладкой, словно шелк. Она не отдернула руку, лишь чуть сильнее сжала мои пальцы. Я провел большим пальцем по ее ладони, ощущая мягкость кожи. Она смотрела на меня, не отрывая взгляда. Я наклонился и тихо прошептал:

— Ты прекрасна.

Она не ответила, но в ее глазах промелькнула тень смущения. Я продолжал держать ее руку, чувствуя, как между нами растет какое-то необъяснимое притяжение. Поддавшись внезапному порыву, я прикоснулся губами к ее ладони. Она вздрогнула, отшатнулась и снова принялась шипеть на меня.

Я отпрянул, словно обжегся. Какая же я скотина! Испугал ее, бедную. Как я мог так опрометчиво поступить? Я ведь обещал себе быть терпеливым, не торопить события. Но ее красота, ее неземная сущность, одурманили меня, заставили забыть об осторожности. Я поднялся с колен, чувствуя стыд

и раскаяние.

— Прости меня, — прошептал я. — Я не хотел тебя напугать. Я просто... я просто восхищен тобой.

Она молчала, смотрела на меня с недоверием, но в ее глазах уже не было прежней агрессии. Она словно пыталась понять меня, разобраться в моих чувствах. Я отошел от кровати, оставив ее в покое. Вернулся к камину, сел в кресло и закрыл глаза. Нужно было собраться с мыслями, успокоить бурю эмоций, терзавших меня.

В тишине комнаты слышалось лишь потрескивание дров в камине. Я чувствовал себя полным идиотом, подростком, впервые увидевшим красивую девушку. Как я, наследный принц, мог так потерять голову? Она нуждается в моей помощи, а я думаю лишь о своей похоти.

3 глава

Утро ворвалось в комнату кровавыми бликами через витражное окно. Я открыл глаза, ощущая тяжесть в мышцах от неудобной позы в кресле. Первое, что бросилось в глаза — пустая кровать. Простыни, скомканные, словно гребни волн, хранили вмятину от ее тела. Сердце упало в бездну.

— Нет... — вырвалось хрипло. Я метнулся к окну, вцепляясь в подоконник, словно мог разглядеть ее след в саду, но тихий всплеск воды заставил меня обернуться.

Дева стояла в медном тазу для умывания, погруженная по колени. Ее пальцы осторожно трогали поверхность, создавая круги, которые мерцали радужными разводами. Вода стекала с кончиков волос, оставляя на полу перламутровые капли.

— Ты... — я шагнул к ней, забыв о осторожности.

Она вздрогнула, но не убежала.

Дева просто смотрела, как я приближаюсь, и в изумрудных омутах плескалось нечто, похожее на любопытство. Я опустился на одно колено, не сводя с нее глаз, и протянул руку. Она не отшатнулась, но и не позволила мне коснуться себя. Пальцы ее были напряжены, как струны арфы, готовые сорваться в любой момент.

— Прости,— повторил я, чувствуя, как краска стыда заливает лицо.— Я не хотел тебя обидеть. Я просто... рад, что ты в порядке.

Я замер, боясь спугнуть это хрупкое доверие. Ее молчание не тяготило, скорее, наполняло комнату какой-то перво-зданной тишиной.

Набравшись смелости, я коснулся кончиками пальцев ее щеки. Кожа ее была прохладной и влажной, словно покрытая росой. Она закрыла глаза, словно наслаждаясь прикосновением. Я провел большим пальцем по ее скуле, ощущая мягкость кожи. Ее ресницы дрогнули, и она открыла глаза, устремив на меня свой изумрудный взгляд. В них плескалась такая глубина, такая бездна, что я затерялся в них, забыв обо всем на свете.

Внезапно раздался глухой стук в мою спальню.

— Ваше Высочество? — голос Фредрика, приглушенный резной дверью, прозвучал как похоронный звон. — Посол Вэльса прибыл раньше срока. Его Величество требует вашего присутствия в тронном зале.

Сирена метнулась в угол, словно тень, сорвавшаяся с цепи. Вода из опрокинутого таза растеклась по полу, цепляясь за ковер с шипением. Я вскочил, тело вспотело от адреналина.

— Скажи, я буду через пять минут! — крикнул я, хватая с вешалки плащ и набрасывая его на девушку. Она вырвалась, обнажив плечо, где кожа мерцала чешуйчатым узором. Сердце упало — признаки превращения? Или след морского происхождения?

— Тихо, — прошептал я, прижимая палец к ее губам. Сто-

ило только мне это сделать, как ее острые зубы вонзились в мою ладонь. Кровь теплой струйкой потекла по запястью. — Черт возьми!

Из коридора донеслись шаги — тяжелые, размеренные. Броня гвардейцев.

— Принц, позвольте войти, — это был Кристоф. В голо-се сквозила тревога. — На южной башне заметили огни. Пиратские шхуны у рифа Геллранд.

Дева замерла, учуяв опасность. Ее зрачки сузились в вертикальные щели.

— Отправь отряд лучников, — скомандовал я, прижимая окровавленную руку к груди. — И приготовь моего коня.

— Но посол...

— Скажи отцу, я встречаю гостя у причала! — выкрикнул я, хватая сирену за талию. Она зашипела, когти впились в рукав, но сопротивление слабело — тело ее дрожало, как лунная дорожка на воде.

Я распахнул дверь гардеробной, втолкнул ее внутрь, захлопнул и задвинул тяжелый засов.

— Ни звука! Что бы ни случилось! — прошипел я сквозь зубы, прислушиваясь к голосам за дверью. Кристоф что-то говорил о протоколах и придворном этикете, но в голове гудело. Сирена в гардеробной, пираты на подходе, посол в тронном зале — идеальный шторм для падения королевства. Нужно было действовать быстро, хладнокровно. Я вытер кровь о штаны, натянул сапоги и выскочил в коридор.

— Кристоф, со мной! — бросил я через плечо и помчался по коридорам, лавируя между перепуганными слугами. Мы неслись по винтовым лестницам, мимо гобеленов с изображением морских сражений, мимо доспехов, в которых сражались мои предки. Каждый шаг отдавался гулким эхом, отсчитывая секунды, отделяющие меня от неизбежного хаоса. Выскочив во двор, я увидел, как к конюшне подгоняют моего гнедого жеребца. Запрыгнув в седло, я почувствовал знакомый прилив адреналина. Впереди битва, а значит, и шанс защитить не только королевство, но и свою тайну, свою сирену, спрятанную в стенах замка.

Пиратские шхуны, черные и обшарпанные, как вороны крылья, рвали горизонт алчными силуэтами. Ветер донес до меня запах гнилой рыбы и пороха — они уже высаживались на рифах, цепляясь крючьями за скалы. Их смех, грубый и похабный, резал слух.

— Лучники! — рявкнул я, выхватывая меч. Стальные зубья гарды впились в ладонь, напоминая, что это не тренировочный клинок. — Жгите паруса!

Стрелы с горящими наконечниками взмыли в небо, оставляя за собой дымные шлейфы. Одна из шхун вспыхнула, как факел, осветив водную гладь багровым отсветом. Пираты завывали, прыгая за борт. Море вскипело белыми гребнями.

— Принц! Слева! — Кристоф рванул моего коня за поводья, когда топор с шипением пролетел в сантиметре от шеи.

Адреналин ударил в виски. Я врезался в толпу, рубя, ко-

лота, чувствуя, как сталь режет мясо и кости. Каждый удар — выпущенная ярость. Каждый крик — отголосок ее изумрудных глаз, спрятанных в гардеробной.

Один из головорезов, с лицом, изуродованным оспой, рванул ко мне с кривой саблей. Его дыхание пахло тухлыми зубами.

— Душка королевская! — захохотал он, целясь в горло.

Мой клинок вонзился ему под ребра раньше, чем я осознал движение. Теплая кровь брызнула на перчатки.

— Для тебя, — прошипел я, выдергивая меч.

Тело рухнуло в воду, окрашивая волны в ржавый цвет.

Я продолжал сражаться, двигаясь как одержимый, ведомый яростью и страхом. Каждый пират, павший от моей руки, был платой за ее безопасность, за ее молчание, за тайну, которую я поклялся охранять любой ценой. Вокруг меня бушевала битва — лязг стали, крики раненых, рев пламени. Мои гвардейцы сражались отважно, и в скором времени мы победили.

Когда последний пират рухнул на окровавленный песок, воцарилась звенящая тишина. Лишь потрескивали догорающие обломки шхун и стонали раненые. Я спрыгнул с коня, чувствуя, как дрожат колени от усталости и напряжения. Кристоф подошел ко мне, его лицо было покрыто копотью и кровью.

— Все кончено, Ваше Высочество, — доложил он. — Риф зачищен. Потери незначительны.

Я кивнул, не в силах говорить. Я оглядел поле битвы, пытаясь унять дрожь в руках. Запах крови и гари въелся в кожу, напоминая о цене, которую я заплатил за эту победу. Взгляд невольно метнулся к замку, к той комнате, где она ждала. Что она сейчас делает? Слушает? Бойтся? Меня мучила мысль о том, что я подверг ее опасности. Зачем я вообще впустил ее в свою жизнь?

— Кристоф, прикажи убрать тела и потушить огонь, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — И подготовь доклад для Его Величества. Я скоро буду.

Он кивнул и отдал необходимые распоряжения. Я же, не дожидаясь, пока он закончит, направился обратно к замку, стараясь скрыть охватившую меня тревогу. Я побежал обратно к замку, не обращая внимания на удивленные взгляды гвардейцев. Протоколы, посол, тронный зал – все это потеряло смысл. Сейчас мне нужно было убедиться, что она в безопасности.

Ворвавшись в спальню, я сорвал засов с гардеробной и распахнул дверь.

Внутри было темно и тихо. Она сидела, сжавшись в комочек, в углу, спиной к двери. Плащ сполз с ее плеч, обнажая бледную кожу, покрытую едва заметной чешуей.

— Все кончилось, — прошептал я, протягивая руку. — Ты в безопасности.

Она медленно подняла голову, и в полумраке я увидел, что ее глаза потемнели, стали глубже и загадочнее. Изумруд-

ная зелень уступила место опаловой дымке, словно морская пучина, скрывающая свои секреты. Она не двинулась с места, не произнесла ни слова. Лишь смотрела, пронзая меня насквозь своим взглядом. Я сделал шаг вперед, намереваясь обнять ее, успокоить, но что-то меня остановило. Невидимая стена, возникшая между нами.

Я замер на пороге, рука все еще протянута в пустоту. Воздух в гардеробной гудел, как раковина, прижатая к уху. Ее глаза — нет, не глаза, а бездны, вывернутые наизнанку, — втягивали свет, оставляя лишь дрожание теней на стенах. Чешуя на плечах пульсировала, переливаясь бирюзовыми всполохами, будто под кожей билось второе сердце.

— Ты... меняешься, — прошептал я, чувствуя, как слова застревают в горле, словно рыбы кости.

— Морская вода... — прошептал я, вспоминая материнские сказки о сиренах, чья кожа сохнет без соленых брызг. — Тебе нужна вода, да?

Она ничего не ответила, лишь молча вцепилась в мою руку. Ее пальцы уже срастались перепонками.

Я рванул шнурок звонка для слуг, не сводя глаз с ее изогнутой спины, где чешуя сползала лоскутами, обнажая воспаленную плоть.

— Морскую воду! — крикнул я ворвавшемуся пажу, сбивая с него бархатную шапочку. — Полную лохань! Беги к причалу!

Мальчишка замер в проходе, не понимая что происходит.

— НЕМЕДЛЕННО! — рявкнул я, подгоняя мальчика к действиям.

Паж сорвался с места, а я, стараясь не смотреть на мучительную трансформацию, прижал сирену к себе. Кожа ее горела, словно раскаленный металл, но я терпел, чувствуя, как под моими руками она становится все более чуждой, более дикой.

«Боже, дай мне силы.»

Вскоре в спальню ворвались слуги, вкатывая огромную окованную железом лохань, наполненную до краев ледяной морской водой. Убедившись что в комнате мы остались одни, я подхватил сирену на руки и осторожно опустил ее в образовавшийся бассейн, наблюдая, как она судорожно глотает соленую влагу.

Тело ее содрогнулось в конвульсиях, кожа замерцала, словно россыпь драгоценных камней, вернув ей человеческий облик. Она лежала в воде, неподвижная, как мраморная статуя. Я затаил дыхание, боясь худшего, но потом она открыла глаза.

В них снова плескалась изумрудная зелень, но уже с примесью какой-то иной глубины, осознанности. Она смотрела на меня, словно видела впервые, словно заново знакомилась с этим миром, с этим замком, со мной.

И снова в нашу обитель ворвался стук в дверь.

— Ваше Высочество! — за дверью голос Фредрика перешел в визгливую тревогу. — Посол требует...

— Сейчас!

По ту сторону двери сразу же раздались удаляющиеся шаги дворецкого. Я же прикрыл глаза от усталости. Утро было весьма насыщенным, так ещё и посол с Вэльса.

Я прекрасно понимал, что мне необходимо явиться в тронный зал для беседы, но не мог оставить Деву одну. Можно было, конечно, ее снова запереть, но...

— Мне нужно покинуть тебя ненадолго,— я решил с ней договориться. Попытаться объяснить, что скоро вернусь и ей нечего бояться. Я присел на край лохани, касаясь кончиками пальцев прохладной воды.

— Посол Вэльса прибыл. Дела государственной важности. Но я скоро вернусь. Обещаю. Ты останешься здесь в безопасности. Никто тебя не тронет.

Она смотрела на меня, не мигая, будто пытаюсь запомнить каждую черту моего лица.

Не знаю, поняла ли она хоть слово из моей тирады, но в ее взгляде мелькнуло что-то похожее на понимание. Этого было достаточно. Я встал, поправил камзол и вышел из спальни, стараясь придать лицу невозмутимое выражение. В коридоре меня уже поджидал запыхавшийся Фредрик.

— Ваше Высочество, посол крайне недоволен задержкой! Он... — дворецкий запнулся, заметив мое ледяное выражение. — В тронном зале все готово.

4 глава

Я шагал по коридору так быстро, что Фредрик едва поспевал за мной. Каменные стены сжимались, дыша на меня запахом ладана и лжи. А где-то за спиной, в запертой комнате, билось сердце, ставшее за ночь дороже короны.

Тронный зал встретил ледяным молчанием. Отец, восседавший на нефритовом троне, сжал подлокотники так, что побелели костяшки. Посол Вэльса, одетый в парчу цвета гниющей вишни, обернулся. Его лицо — восковая маска с щелочками глаз — дрогнуло в подобии улыбки.

— Ваше Высочество заставило себя ждать, — голос скрипел, как несмазанные ворота. — Или принцы Сейрина принимают гостей, обрызганные пиратской кровью?

Я посмотрел на свои рукава. Бурые пятна действительно походили на ржавчину.

— Мы ценим гостей, умеющих приходить вовремя, — парировал я, чувствуя, как отец впивается взглядом в затылок. — Ваши корабли, должно быть, обогнали даже ветер.

Посол вытянул шею, как болотная птица. — Его Величество король Вэльса желает ускорить подготовку к союзу. Принцесса Лира будет с нетерпением ждать вас у Алмазных водопадов через три дня.

Воздух вырвался из легких. Я машинально кивнул, сжимая эфес меча под плащом. Три дня. Столько времени нуж-

но, чтобы волна от Сейрина достигла Вэльса.

— Прекрасно, — проговорил отец, вставая. Медальон матери блеснул, как слеза. — Мой сын сам ждёт не дожидается этой встречи.

Ложь звенела громче дворцовых колоколов. Посол склонился в реверансе, но его взгляд задержался на моих сапогах. Там, среди брызг морской воды, серебрилась чешуйка размером с ноготь.

— До завтра, Ваше Высочество, — прошипел он, выходя. Шлейф из мускуса и угрозы повис в воздухе. Отец не стал ждать, пока захлопнется дверь за послым, а сразу перешел к допросу.

— Что за комедию ты разыгрываешь? Почему не явился сразу после подавления вторжения?

— Пираты на рифах — досадное недоразумение, — ответил я, стараясь сохранять спокойствие. — Береговая охрана прозевала их высадку. Вопрос решен.

— Вопрос не решен, пока мой сын желает сорвать помолвку с принцессой Лирой! — Отец говорил тихо, но каждое слово резало, словно хлыст. — Ты понимаешь, что на кону? Союз с Вэльсом — это гарантия безопасности наших границ! Как наследник этого трона, ты должен был отдавать отчет своим действиям, Рафаэль.

Я молчал, глядя в серые глаза, полные разочарования. Он никогда не понимал меня, не видел во мне ничего, кроме наследника, пешки в политической игре. Он никогда не знал

о моих чувствах, о моих страхах, о той бездне, что разверзлась у моих ног этой ночью. О том, что я уже не контролирую ситуацию и в любую секунду могу лишиться всего. Даже самого себя.

Отец замолчал, его пальцы сжали медальон так, что тонкая цепь впилась в кожу. Вдруг его взгляд упал на мою руку — на ладонь, где кровь запеклась коркой вокруг четкого полукруга зубов.

— Что это? — спросил он тише, и в тишине зала шелест парчи за спиной посла прозвучал как шепот гильотины.

Я прикрыл рану рукавом.

— Тренировочный инцидент. Тобиас перестарался.

Ложь повисла между нами густым дымом. Отец знал — оруженосец с оспинами никогда не смел даже взглянуть на меня косо. Но он лишь кивнул, поворачиваясь к карте, где серебряный якорь Вэльса пронзал сердце Сейрина.

— Готовься к отъезду. Уже завтра ты отплываешь к Алмазным водопадам. И Рафаэль... — он замер, профиль резко вырезанный светом витража, напоминал орла, готового к пикированию. — Если у тебя есть секреты — похорони их глубже морских глубин. Или они похоронят нас всех.

Я поклонился, чувствуя, как слова отца жгутом стягивают горло. Секреты. У меня их было больше, чем звезд на ночном небе. И главный из них дышал сейчас в стенах дворца, пах солью и кровью и обладал голосом, способным утихомирить шторм.

Я вышел из тронного зала, словно из могилы. Каждый шаг отдавался гулким эхом в пустых коридорах, каждый вздох обжигал легкие, словно ледяной ветер. Я шел, не видя ничего вокруг, ведомый лишь одной мыслью — она. Мне нужно было увидеть ее, убедиться, что она в порядке, что опаловая дымка не поглотила ее снова. Я должен был найти способ скрыть ее от мира, от отца, от посла Вэльса, от всех, кто мог увидеть в ней угрозу.

В спальне царил полумрак. Лохань с морской водой стояла посреди комнаты, словно алтарь, вокруг которого застыли тени. Она сидела в воде, прислонившись спиной к холодному металлу, ее изумрудные глаза смотрели в потолок. Она не шелохнулась, когда я вошел, не произнесла ни слова. Лишь молча наблюдала, словно незнакомка, изучающая чужой мир. Я опустился на колени рядом с лоханью, касаясь кончиками пальцев ее бледной щеки. Кожа была прохладной, словно мрамор, но под ней чувствовалось слабое бие-ние пульса.

— Что ты помнишь? — прошептал я, боясь нарушить тишину. — Что ты помнишь о той ночи? О пиратах? О гардеробной? Ее взгляд скользнул по моим рукам, задерживаясь на секунду на оставленной ею ране. В глазах мелькнуло что-то похожее на понимание, но тут же исчезло, словно растворилось в морской пучине. После этого Дева медленно подняла руку и коснулась моего лица. Ее пальцы были холодными и влажными, но прикосновение было нежным, осторож-

ным. Я закрыл глаза, позволяя ей изучать меня, запоминать, узнавать. И в этот момент я понял, что готов рискнуть всем ради нее. Коронай. Союзом с Вэльсом. Даже жизнью.

Я взял ее руку в свою, переплетая наши пальцы. Ее ладонь была меньше моей, и я чувствовал хрупкость ее костей. Я боялся сломать ее, боялся причинить ей боль. Боялся, что она исчезнет, как мираж, оставив меня одного в этом каменном склепе.

— Я защищу тебя, — пообещал я, глядя в ее бездонные глаза. — Чего бы мне это ни стоило.

Она ничего не ответила, лишь чуть сильнее сжала мою руку. Этого было достаточно.

Поднявшись на ноги, я почувствовал всю тяжесть ответственности, давящую на мои плечи.

Времени оставалось мало. Нужно было придумать план, как скрыть ее от посторонних глаз. А так же найти способ доказать, что сирена не угроза, а дар, сокровище, которое я не отдам никому.

Я окинул взглядом спальню, ища решение. Нужно было место, где ее никто не найдет, место, где она сможет свободно дышать и не бояться посторонних. И тут меня осенило. Подземелье. Забытые катакомбы под дворцом, о которых знали лишь единицы. Там, в темноте и тишине, она будет в безопасности.

Я приказал Фредрику подготовить подземелье. Заменить гнилые балки, прочистить вентиляцию, принести мягкие

ткани и еду. Он выполнил все молча, не задавая лишних вопросов. Когда все было готово, я вернулся в спальню. Она по-прежнему сидела в лохани, неподвижная и молчаливая. Я взял ее на руки, чувствуя ее легкий вес. Она не сопротивлялась, лишь прижалась ко мне, словно ища защиты. Я вынес ее из спальни, обернув плащом, и спустился в подземелье. Там, в полумраке, я положил ее на приготовленную постель. Она смотрела на меня, не понимая, что происходит.

Я присел рядом с ней, провел рукой по ее спутанным волосам. Подземелье было сырым и холодным, но я постарался сделать его максимально комфортным для нее. Я принес сюда все, что могло понадобиться: свечи, еду, книги, даже несколько кувшинов с морской водой.

— Здесь ты будешь в безопасности, — прошептал я. — Здесь никто тебя не тронет.

На мои слова Дева никак не отреагировал, но в ее глазах я увидел проблеск доверия. Я знал, что это лишь временное решение, но сейчас это было все, что я мог предложить.

Как только я вернусь из Вэльса, то смогу нормально обеспечить ей безопасность во дворце.

Я оставил ее в подземелье, убедившись, что у нее есть все необходимое. Ее изумрудные глаза смотрели на меня с тихим пониманием, словно она знала, что я вернусь. Я пообещал ей это, хотя сам не был уверен, что смогу сдержать слово. Вэльс, принцесса Лира, союз, который я должен заключить ради королевства — все это тяготило меня, как камень

на шее. Но я не мог позволить себе сомневаться. Не сейчас.

Когда я вышел из подземелья, Фредрик ждал меня в коридоре. Его лицо было бледным, а глаза полны тревоги.

— Ваше Высочество, — начал он, но я прервал его.

— Ни слова, Фредрик. Никто не должен знать о ней. Никто. И да... каждый день приноси ей фрукты.

Он кивнул, но в его взгляде читалось сомнение. Я знал, что он предан мне, но даже ему я не мог доверить всю правду. Слишком многое было на кону.

— Подготовьте мой отъезд, — приказал я. — Мы отправляемся в Вэльс на рассвете.

Фредрик поклонился и удалился, оставив меня одного в холодном коридоре. Я стоял там, чувствуя, как стены сжимаются вокруг меня. Каждый камень, каждый шорох напоминал о том, что я теряю контроль. Но я не мог позволить себе слабость. Не сейчас.

5 глава

Я стоял в коридоре, ощущая тяжесть принятых решений, словно каменные плиты под ногами давили на меня все сильнее. В голове крутились мысли о том, что ждет меня в Вэльсе, о принцессе Лире, о союзе, который я должен заключить ради королевства. Но больше всего меня беспокоила она — сирена, спрятанная в подземелье. Ее изумрудные глаза, полные доверия и страха, не отпускали меня. Я знал, что не могу оставить ее одну надолго, но у меня не было выбора. Королевство требовало моего присутствия, и я должен был исполнить свой долг.

С рассветом я отправился в путь. Корабль, готовый к отплытию, ждал у причала. Его мачты, устремленные в небо, казались стрелами, готовыми пронзить горизонт. Я стоял на палубе, глядя на удаляющийся берег Сейрина. Ветер трепал волосы, принося с собой запах моря и свободы, которой я уже не мог обладать. Вэльс манил своими Алмазными водопадами и принцессой, которую я должен был встретить. Но сердце мое оставалось в подземелье, рядом с ней.

Путешествие заняло три дня. За это время я старался отвлечься от мыслей о сирене, сосредоточившись на предстоящей встрече. Однако ее образ не покидал меня. Каждую ночь я просыпался в холодном поту, представляя, как она сидит в подземелье, одна, в темноте, ожидая моего возвращения. Я

знал, что Фредрик позаботится о ней, но это не успокаивало меня.

Когда корабль коснулся берегов Вэльса, меня встретила пышная процессия, словно сошедшая со страниц старинных сказок. Принцесса Лира, облаченная в платье из серебряной парчи, стояла на пристани в окружении свиты. Ее волосы, цвета спелой пшеницы, были заплетены в сложную косу, а глаза, холодные и расчетливые, изучали меня с нескрываемым любопытством. Она была прекрасна, но ее красота обжигала, как первый мороз, лишенная той теплоты и загадочности, что струилась от сирены.

— Добро пожаловать в Вэльс, кронпринц Рафаэль, — произнесла она, слегка склонив голову. Ее голос был чист и мелодичен, как звон хрустального колокольчика, но в нем не было той глубины, что завораживала в голосе моей Девы.

— Благодарю, принцесса, — ответил я, стараясь скрыть свое напряжение. — Я рад быть здесь.

Алмазные водопады оказались не метафорой. Сотни струй, падающих с черной скалы, сверкали в лучах заката, будто небеса проливали дождь из расплавленного хрусталя. Но даже их холодная красота не могла затмить ледяное величие принцессы. Лира шла по мраморной террасе, ее серебряное платье шелестело, как змеиная кожа.

— Вэльс славится алхимией, — ее голос звенел, словно клинки в ножнах. — Наши мастера могут превратить слезу в алмаз, а предательство — в пепел.

Я мгновенно понял скрытый смысл ее слов. По спине пробежала волна ледящего ужаса. Это было прямым предупреждением, прозрачным намеком на то, что Вэльс готов обратить свое могущество против нас, если брак не состоится.

Вечер прошел в череде утомительных бесед и демонстрации богатств Вэльса. Я старался быть внимательным, запоминая детали, которые могли бы пригодиться в будущем, но мысли мои то и дело возвращались к сирене.

Как она там? Хорошо ли питается? Хватит ли морской воды для предотвращения ее перевоплощения?

Ночью я не сомкнул глаз. Слова Лиры эхом отдавались в голове, сплетаясь с образом сирены, заточенной в подземелье. Я чувствовал себя меж двух огней, разрываемый между долгом и сердцем. С одной стороны — королевство, нуждающееся в союзе с Вэльсом, с другой — существо, чья судьба оказалась в моих руках.

На следующий день Лира повела меня на прогулку по садам Вэльса. Розы небывалых оттенков благоухали, опьяняя своими ароматами. Павлины с распущенными хвостами гордо вышагивали по тропинкам. Все здесь было пропитано роскошью и властью. Но за этой красотой я видел лишь расчет и холод. Лира продолжала говорить о преимуществах союза, о том, как он укрепит наши королевства и защитит от врагов. Но я чувствовал, что она скрывает что-то важное, нечто большее, чем просто политический интерес.

— Как поживает Его Высочество принц Вильгельм? Прав-

да ли то, что о нем говорят, будто он — последний повеса Сейрина?

Вопрос Лиры застал меня врасплох. Вильгельм, мой младший брат, действительно был известен своими любовными похождениями. Его репутация бежала впереди него, и я не сомневался, что грязные слухи о его похождениях дошли и до Вэльса.

— Вильгельм в порядке, — ответил я уклончиво. — Он занимается делами королевства.

Лира усмехнулась, и в ее глазах мелькнул огонек.

— Я слышала, что его больше интересуют дела сердечные, чем государственные. Надеюсь, это не помешает ему заключить выгодный брак.

Я почувствовал, как кровь приливает к лицу. Намек был более чем прозрачным. Лира давала понять, что Вэльс заинтересован не только в союзе со мной, но и в браке с Вильгельмом. И, судя по ее тону, у них уже есть кандидатура на роль невесты.

Я постарался сохранить невозмутимый вид, хотя внутри все кипело от злости. Лира играла в свою игру, и я был лишь пешкой в ее руках. Но я не собирался сдаваться без боя. Мне было жизненно необходимо выяснить, чего она на самом деле хочет, и использовать это в своих интересах.

— У Вильгельма много достоинств, принцесса, — ответил я, стараясь говорить ровным тоном. — И я уверен, он найдет себе достойную партию. Но сейчас мы здесь, чтобы обсудить

наш союз, не так ли?

Лира окинула меня оценивающим взглядом, словно хищник, изучающий свою жертву. Затем она медленно улыбнулась, и я почувствовал, как по спине пробегает холодок.

— Вы правы, кронпринц. Наш союз — это то, что сейчас имеет первостепенное значение. И я уверена, что мы сможем прийти к взаимовыгодному соглашению. Но не стоит забывать о других возможностях. Вэльс всегда открыт для новых союзов.

После этого разговора я почувствовал себя еще более неуютно. Лира оказалась более проницательной и опасной, чем я предполагал. Она плела интриги, словно кружева, и я боялся, что запутаюсь в них, как муха в паутине. Но я не мог отступить. Слишком многое стояло на кону.

Вечером того же дня, после очередного утомительного приема, я попросил аудиенции у короля Вэльса. Он принял меня в своем кабинете, обставленном сдержанно и со вкусом. Старый монарх сидел в кресле, обитом темно-зеленым бархатом, и внимательно смотрел на меня своими проницательными глазами.

— Завтра на рассвете я отплываю обратно в Сэйрин,— перешел я сразу к сути нашего с ним разговора. Более я не намерен был находиться в этом месте.

— Вы уезжаете так скоро, кронпринц? — в голосе короля не было ни удивления, ни сожаления. — Разве вы не планировали обсудить условия союза более детально? Или вас

что-то не устраивает в моей дочери?

— Принцесса Лира — мудрая и достойная правительница, — ответил я, стараясь говорить как можно более убедительно. — Но прежде чем принять окончательное решение, я должен посоветоваться со своим народом. Вопросы такого масштаба требуют тщательного обдумывания и одобрения моих советников.

Король Вэльса медленно кивнул, словно соглашаясь с моими словами. Но я видел, что он мне не верит. Он будто знал, что я скрываю настоящую причину своего внезапного отъезда, но вряд ли монарх догадывается о существовании сирены. Ведь это глупые легенды и выдумки, о которых давно никому ничего неизвестно.

— Что ж, я не буду вас задерживать, — произнес король, поднимаясь с кресла. — Передайте мои наилучшие пожелания вашему отцу. И помните, кронпринц, время не ждет. Решения нужно принимать быстро, иначе их примут за вас.

Я попрощался с королем и покинул его кабинет, чувствуя себя, словно загнанный зверь. Я знал, что Лира и ее отец следят за каждым моим шагом, и любая моя ошибка может стоить мне не только союза, но и трона. Мне нужно было убраться из Вэльса как можно скорее, чтобы обдумать ситуацию и принять верное решение.

Дорогие читатели!

Спасибо за то, что ставите звездочки ☆# книге, оставляете

комментарии и добавляете произведение к себе в библиотеку. Ваша поддержка – это не просто приятный жест, это топливо для моей писательской души.

P.S. Ваша Nelian Bro

6 глава

Ночью, под покровом темноты, я проскользнул на корабль, не желая более задерживаться в этом змеином гнезде. Ветер попутный, паруса полны, Сэйрин, жди меня. Мысль о заточенной сирене жгла сердце. Я винил себя за то, что оставил её, за то, что поверил в необходимость этого визита. Лира, с её холодным расчётом, видела меня насквозь, читала мои сомнения, словно открытую книгу.

На обратном пути я обдумывал каждый её жест, каждое слово. Союзу с Вэльсом не бывать. Слишком высока цена, слишком много лжи скрыто за алмазным блеском. Лучше война, чем предательство себя и тех, кто мне дорог.

Когда корабль причалил, деревянные мостки скрипели под тяжестью шагов. Вильгельм стоял на берегу, прислонившись к бочке с ромом, его белокурые локоны развевались на ветру, словно вытканые из солнечных лучей. В руках он вертел кинжал с рубином в гарде — подарок какой-то влюбленной графини. Увидев меня, он бросил оружие в ножны и распахнул объятия с театральным вздохом:

— Брат! Ты пропах морем и предательством. Принцесса Вэльса уже успела отравить твоё вино ядом разочарования?

Его смех, звонкий и беззаботный, резанул по нервам. Я схватил его за плечо, вдавливая пальцы в бархат камзола:

— Что ты здесь делаешь, Виль? Отец поручил тебе от-

правляться на Большую Охоту, а не шпионить за мной.

Он отшатнулся, притворно потирая ушибленное место, но в синих глазах — тех самых, что сводили с ума пол-королевства — мелькнул стальной блеск:

— Шпионить? Я всего лишь хотел первым поздравить будущего короля. Хотя... — он наклонился, подбирая с песка ракушку с перламутровым изгибом, — корона тебе не к лицу, Раф. Она как та цепь на шее у твоего пса — блестит, да душит.

Я оттолкнул его и зашагал прочь, в сторону замка. Вильгельм шел следом, напевая какую-то непристойную песенку про моряков и русалок.

— А что, если я скажу, что знаю твой секрет? — внезапно бросил он, и сердце мое замерло. Но Виль лишь подмигнул, дорисовывая камнем на песке неприличный символ.

— Расслабься. Ты же не стал бы прятать в подземелье целую королеву, верно?

Его слова были пустой бравадой, но холодок пробежал по спине.

«Он не знает. Точно не может знать.»

— Лучше займись своими любовницами, братец, — бросил я через плечо. — Одна из них, кажется, готова выбраться из окна своей спальни из-за отсутствия твоего внимания. Кстати об этом... — я сбавил шаг, чтобы взглянуть на лицо брата. — Принцесса Лира интересовалась тобой.

Вильгельм остановился, словно его пригвоздили к месту.

Улыбка сползла с его лица, сменившись выражением настояренности.

— Лира? Интересовалась мной? В каком смысле? — спросил он, стараясь казаться равнодушным, но я видел, как он напрягся.

— В прямом. Она намекнула, что Вэльс не прочь породниться с Сейрином не только через меня. Предлагала твою кандидатуру в мужья, как вариант укрепления союза. Вильгельм присвистнул и потер подбородок.

— Что ж, у принцессы неплохой вкус. Я всегда говорил, что политика — это всего лишь игра в постели. Но что ты ей ответил? Неужели ты всерьез рассматривал эту абсурдную возможность?

Я остановился и посмотрел ему прямо в глаза.

— Я ответил, что у тебя много достоинств, и ты найдешь себе достойную партию. Но сейчас мы здесь, чтобы обсудить наш союз. Союзу с Вэльсом не бывать, Виль. Я слишком многое узнал там.

В тронном зале отец ждал меня, сидя в своем величественном кресле. Его взгляд был тяжел и полон ожидания. Рядом стоял Фредрик, мрачный и молчаливый, словно каменная статуя. Я доложил о результатах поездки, пересказав дословно наш диалог с Лирой. Констатировал, что союз с Вэльсом невозможен из-за непримиримых противоречий в политических интересах. Отец выслушал меня, не перебивая, и лишь в конце задал один вопрос:

— Ты уверен, что это единственная причина, Рафаэль?

Я опустил взгляд, зная, что отец видит меня насквозь. Ложь в тронном зале — это не просто грех, это государственная измена. Но сказать правду о сирене означало обречь ее на вечные муки, а Сэйрин — на позор.

— Да, отец, — ответил я твердо. — Это единственная причина. Вэльс преследует свои цели, противоречащие нашим интересам. Союз невозможен.

Отец молчал, словно взвешивая мои слова. Затем он кивнул, принимая мой ответ.

Когда тяжёлые двери тронного зала захлопнулись за моей спиной, в коридоре меня нагнал Фредрик. Его шаги, всегда бесшумные, на этот раз гулко отдавались под сводами, словно удары молота по наковальне совести.

— Ваше Высочество... — окликнул меня слуга. — Ваше поручение по поводу девушки...

Я остановился, чувствуя, как напряжение снова сковывает плечи. Фредрик, как всегда, был немногословен и точен. Он всегда выполнял любое поручение безукоризненно, точно и в срок, но его взгляд, серый и пронзительный, заставлял меня чувствовать себя как под микроскопом.

— Что с ней? — спросил я, стараясь сохранить спокойствие в голосе.

— В полном порядке, просто она... Она необычная.

— Необычная? — переспросил я, нахмурившись. Необычность в данном случае могла означать лишь одно —

повышенное внимание. А это было последнее, чего я хотел.

— Она не ест обычную пищу, — пояснил Фредрик, не меняя выражения лица. — Только рыбу, водоросли и... кое-что еще. Приходится заказывать доставку из отдаленных портов. И еще... она поет. Ее пение странное, похоже на шепот моря, но вызывает беспокойство у слуг.

Я вздохнул. Сирена, запертая в подземелье, питающаяся редкими деликатесами и поющая песни, пугающие прислугу... Ситуация становилась все более абсурдной и опасной. Если слухи расползутся, меня обвинят в колдовстве или, что еще хуже, в государственной измене. Отец не потерпит такого.

— Я тебя понял. Разберусь с этим в ближайшее время.

Вечером, когда замок погрузился в тишину, я проскользнул в подземелье.

Чем ближе я был к ней, тем сильнее сердце колотилось в груди, как будто пыталось вырваться наружу.

Воздух здесь был сырым и холодным, а свет факелов отбрасывал на стены дрожащие тени.

Дева сидела в углу, обнажённая, её кожа светилась в полумраке перламутровым сиянием. Тёмные, спутанные волосы каскадом ниспадали на плечи, скрывая часть лица. Но даже в этом сумраке я видел, как её глаза, изумрудные и бездонные, метали молнии гнева.

Она не удостоила меня взглядом. Её взор был устремлён в никуда, а губы плотно сжаты в тонкую линию.

Холодок ужаса пробежал по моей спине. Она была прекрасна, даже в своей ярости, но в этой красоте таилась смертельная опасность, словно шторм, готовый обрушиться в любой миг.

Я сделал шаг вперёд, но сирена вскинула голову, и её глаза, полные неприкрытой ненависти, впились в меня. Она зашипела, как разъярённая пантера, и я замер на месте. Её тело напряглось, готовясь к прыжку, и я осознал, что любое неверное движение может спровоцировать взрыв.

— Прости, – прошептал я, опускаясь на колени. – Я не хотел тебя бросать. Я не хотел...

Она вновь зашипела, обрывая мои бессвязные оправдания. Её глаза сверкали, словно два изумруда, опалённые пламенем гнева. Она не понимала моих слов, но чувствовала мою тревогу, мою вину.

Я протянул руку, пытаясь прикоснуться к ней, но она отпрянула, словно моё прикосновение могло опалить её. Её шипение стало громче, и я увидел, как её пальцы сжимаются в кулаки, а острые, словно когти, ногти впиваются в ладони. Она была подобна дикому зверю, загнанному в угол, и я понимал, что малейшая оплошность может стать роковой.

— Я не хотел, – повторил я, стараясь говорить как можно мягче, хотя знал, что мои слова – пустой звук. – Я не хотел причинить тебе боль.

Девушка продолжала сверлить меня взглядом, и в её глазах я прочёл мучительную смесь гнева и отчаяния. Она не

могла выразить свои чувства словами, но её взгляд, её шипение, её напряжённое тело – всё это вопило об обиде. Она чувствовала себя преданной, и я понимал, что заслужил это презрение.

Я опустил голову, чувствуя, как сердце сжимается в тиски. Я не мог объяснить ей, что был вынужден уехать, что это было необходимо для блага королевства. Она не поверила бы мне. Сирены жили в мире инстинктов и чувств, и мои оправдания были бы для неё бессмысленным лепетом.

Я поднялся с колен, чувствуя себя раздавленным тяжестью вины. Мне нужно было время. Ей нужно было время. Я не мог силой добиться ее прощения, не мог заставить ее поверить в мою искренность. Я должен был заслужить ее доверие, доказать, что я не враг. Безмолвно развернувшись, я вышел из подземелья, оставив ее наедине со своей яростью и болью. Поднявшись в свои покои, я долго не мог уснуть, ворочаясь в постели и терзаясь угрызениями совести. Образ сирены, ее гневный взгляд, ее дрожащее тело – все это преследовало меня.

А что если Деву нарядить в платье и выдать ее за простолюдинку?

Эта мысль возникла внезапно, словно вспышка молнии в ночи. Безумная, рискованная, но такая заманчивая. Если представить ее при дворе, как обычную девушку... это могло бы стать решением. Риск, конечно, огромен. Ее выдаст малейшее проявление ее истинной природы: пение, взгляд, по-

вадки. Но если ее обучить, если тщательно контролировать каждое ее движение, каждое слово... шанс есть. Мизерный, но есть.

Утром я вызвал Фредрика. Его всегдашняя невозмутимость и безупречное выполнение приказов внушали уверенность. Я изложил ему свой план, наблюдая за его реакцией. Лицо Фредрика оставалось непроницаемым, лишь едва заметное удивление мелькнуло в его серых глазах.

— Вы хотите... представить ее при дворе? — уточнил он, словно не веря своим ушам.

— Да, — ответил я твердо. — Как обычную девушку. Мне нужна твоя помощь. Найти ей подходящую одежду, обучить манерам, контролировать ее поведение. Это должно остаться в тайне. Никто не должен знать о ее истинной природе.

Фредрик молчал, обдумывая мои слова. Затем он кивнул:

— Я сделаю все, что в моих силах, Ваше Высочество. Но это очень рискованно.

— Я знаю, — ответил я. — Но это единственный шанс.

7 глава

Фредрик оказался прав — риск был чудовищным. Но что оставалось делать? Оставить ее гнить в подземелье? Или отпустить в море, где пираты и королевские шпионы рыскали как голодные акулы?

Слуга склонился в поклоне, скрывая дрожь в веках. Его тень на полу изогнулась, как гарпун, готовый к броску.

— Придворные платья шьют три недели, Ваше Высочество. Но для вашей... гостыи — я найду способ ускорить процесс.— после этого Фредрик вышел из комнаты, а я начал представлять себе, как будет проходить обучение.

«Что ж, пришло время воплощать наш план в реальность.»

Сирена встретила меня в затхлом подземелье брызгами соленой воды. Перевернутая лохань валялась в углу, а рядом, словно выброшенная на берег жемчужина, билась о камни серебристая рыбина. Сирена сидела на корточках, вцепившись в горло трепещущего карпа. Ее ногти, острые, как кинжалы, вонзились в его жабры с хищной точностью.

— Боюсь, вилкой тут не обойтись, — пробормотал я, подбирая с пола извивающуюся рыбу.

В ее глазах сверкнула дикая искра. Пальцы разжались, освобождая добычу. Карп шлепнулся обратно в лужу, его хвост дернулся в предсмертной судороге.

Я подошел ближе, стараясь говорить ровно и спокойно:

— Я не собираюсь держать тебя здесь вечно. Я хочу помочь тебе.

Она окинула меня долгим, пронзительным взглядом, полным неприкрытого скепсиса. Я присел на корточки, стремясь оказаться с ней на одном уровне, не выглядеть угрожающе.

— Скоро тебе принесут платье. И мы сможем выбраться отсюда.

Она нахмурилась, словно пытаясь разгадать сложную загадку. Я указал на себя, потом на дверь, затем попытался изобразить некое подобие танца, намекая на свободу. Безуспешно. Сирена продолжала смотреть на меня с волчьим недоверием. Пришлось прибегнуть к более прямому способу убеждения. Я достал из кармана небольшой перламутровый гребень, который заранее припас для этого случая. В тусклом свете факела он переливался всеми цветами морской радуги. Я протянул его ей.

Сирена замерла, не сводя застывшего взгляда с диковинной вещицы. Медленно, словно боясь спугнуть момент, она протянула руку и взяла гребень. Ее пальцы осторожно коснулись перламутровой поверхности, словно опасаясь обжечься. В ее глазах мелькнул слабый отблеск интереса, ненадолго затмивший ярость и недоверие. Это был маленький, едва заметный, но такой важный шаг вперед. Я отступил назад, давая ей время освоиться с новой, незнакомой игрушкой.

Тишина, воцарившаяся в подземелье, казалась почти осязаемой, нарушаемая лишь плеском воды и тяжелым, сбившимся дыханием сирены. Она вертела гребень в руках, рассматривая его со всех сторон, словно это был артефакт, извлеченный из руин давно забытой цивилизации. Наконец, внезапно, она поднесла его к лицу и начала грызть.

Звук хрустящего перламутра резанул слух. Я невольно поморщился, но сдержался от комментариев. Главное - она перестала смотреть на меня как на врага. Хотя, возможно, теперь она смотрела на меня как на источник интересных, но съедобных предметов?

Когда гребень был уничтожен, она подняла на меня взгляд. В глазах читалось не столько удовлетворение, сколько детское любопытство. Она словно спрашивала: «А что еще у тебя есть?»

Я вздохнул про себя. Этот план, казавшийся таким гениальным в покое, трещал по швам.

Предлагать сирене сделку, основанную на понимании человеческих ценностей, было, мягко говоря, наивно.

Нужно было мыслить как... как существо из иного мира. Что было действительно важно для нее? Еда, это очевидно. И, как выяснилось, странные, блестящие штуковины.

Я пошарил по карманам и вытащил горсть морских раковин, собранных перед приходом у причала. Их перламутровые изгибы мерцали в свете факелов, словно капли лунного света. Сирена замерла, ее ноздри дрогнули, улавливая

запах соли. Одним движением Дева оказалась рядом и схватила добычу с жадностью чайки.

Раковины исчезли в ее руках мгновенно, раздался приглушенный хруст, и вот уже осколки перламутра осыпались на грязный пол подземелья. Она облизнулась, и в ее взгляде промелькнула тень разочарования. Слишком быстро. Слишком мало.

Я отступил еще на шаг, размышляя. Очевидно, блестящие вещи - это только затравка, не основа. Нужно что-то более существенное. Что-то, что займет ее ум и тело. Что-то, что отвлечет от желания сбегать или, что еще хуже, напасть.

— Ваше Высочество. — Фредрик возник за спиной бесшумно, как призрак. В руках он держал сверток из грубой ткани. — Я принес платье.

Я кивнул, не оборачиваясь.

Ткань шуршала, словно морская пена, цвет был нежно-голубым, напоминающим цвет воды в лагуне на рассвете. Фредрик лично проследил, чтобы платье было сшито из легкой ткани, не стесняющей движений.

— Его сделали специально для тебя, — прошептал я, разворачивая ткань.

Момент одевания платья на сирену был напряженным и деликатным, как тонкая нить, натянутая между доверием и страхом. Сирена, существо из другого мира, смотрела на платье с подозрением, словно это была ловушка, а не одежда. Ее пальцы, привыкшие к воде и охоте, сжимали ткань с

такой силой, что шелк рвался, как паутина.

— Нельзя рвать! — воскликнул я, хватая ее за запястье. Сирена зашипела, выгибаясь, словно угорь, пойманный на крючок. Ее когти рассекли воздух в сантиметре от моего горла.

Фредрик побледнел, выронив остатки платья на каменный пол. Я отпустил запястье сирены, поднимая руки в знак капитуляции.

— Я не хотел тебя обидеть. Просто... эта вещь поможет тебе выйти отсюда.

Я указал на платье, стараясь говорить мягко, без напора. Сирена, тяжело дыша, следила за каждым моим движением. В ее глазах бушевала ярость, смешанная с испугом. Она явно не понимала, что мы от нее хотим, и это непонимание делало ее еще более опасной. Медленно, стараясь не спровоцировать ее, я поднял с пола остатки платья. Поднес их к себе, демонстрируя, что не собираюсь нападать. Затем, стараясь показать пример, начал натягивать ткань на себя. Получилось неуклюже и смешно, платье застряло на плечах, но я продолжал, пока не надел его почти полностью. Сирена наблюдала за мной с изумлением, постепенно успокаиваясь. В ее взгляде промелькнуло что-то похожее на любопытство. Я улыбнулся, стараясь показать, что это безопасно.

Скинув с себя голубую тряпицу, я бережно протянул ее сирене. Она колебалась, словно под гипнозом, но все же приняла ее. Ткань заструилась в ее руках, словно вода, и она,

словно замороженная, начала ощупывать ее, словно пытаюсь понять, что это такое.

Осторожно, словно боясь спугнуть внезапно возникшее доверие, я жестами показал, как нужно надевать платье.

Сначала я указал на голову, потом на платье, изображая, как ткань должна скользить вниз. Сирена нахмурилась, явно не понимая. Она подняла платье над головой, но вместо того, чтобы надеть его, она просто держала его в воздухе, словно ожидая, что оно само каким-то образом окажется на ней. Ее движения были неуклюжими, как у ребенка, впервые сталкивающегося с чем-то новым.

Наконец, Дева решила действовать. Она попыталась просунуть голову в одно из отверстий, но это оказалось рукавом. Ткань застряла у нее на плечах, а рукав болтался где-то у ее уха. Она дернула платье вниз, но оно только сильнее запуталось. Ее лицо выражало раздражение, и она зашипела, словно платье было ее врагом. Я сдержал улыбку, понимая, что любая моя реакция может быть воспринята как насмешка.

Я осторожно подошел ближе и жестами показал, что нужно попробовать снова. Сирена, сжав губы, снова подняла платье. На этот раз она попыталась просунуть голову в правильное отверстие, но ткань зацепилась за ее волосы, и она с раздражением дернула ее, чуть не порвав. Ее пальцы, обычно такие ловкие в воде, теперь казались неуклюжими на суше. Она снова зашипела, но на этот раз в ее глазах промелькнула тень смущения.

Я протянул руку, чтобы помочь, но она отшатнулась, словно боялась, что я воспользуюсь моментом, чтобы напасть. Я отступил, давая ей пространство. Сирена, тяжело дыша, снова взялась за платье. На этот раз она действовала медленнее, осторожнее. Она просунула голову в правильное отверстие, и ткань наконец скользнула вниз, облекая ее плечи. Она посмотрела на меня с удивлением, словно не ожидая, что у нее получится.

Теперь дело дошло до рук. Она попыталась просунуть руки в рукава, но один из них оказался вывернут наизнанку. Она дернула его, и платье снова застряло. Ее терпение было на исходе, и она снова зашипела, но на этот раз я не смог сдержать легкую улыбку. Сирена заметила это и бросила на меня взгляд, полный недовольства, но в ее глазах промелькнула тень юмора. Она, казалось, начала понимать, что это не так уж серьезно.

Когда платье было надето после нескольких неудачных попыток, она замерла, словно не зная, что делать дальше. Я жестом показал на дверь, потом на себя, потом попытался изобразить что-то вроде прогулки. На этот раз сирена, кажется, поняла. В ее глазах вспыхнул слабый огонек надежды. Она кивнула, осторожно ступая босыми ногами по каменному полу, словно боясь нарушить хрупкое равновесие между нами.

Фредрик, все еще бледный, поспешно поднял с пола обрывки шелка. Я взглянул на него, молча благодаря за сдер-

жанность. Сейчас любое неосторожное слово могло разрушить с таким трудом завоеванное доверие. Мы оба понимали, что на карту поставлено слишком многое, но начало было положено.

8 глава

Сирена стояла передо мной, одетая в голубое платье, которое, несмотря на все трудности, теперь облегалo ее фигуру, подчеркивая изящество и грацию. Ее волосы, темные и спутанные, ниспадали на плечи, а изумрудные глаза смотрели на меня с осторожным любопытством. Она была прекрасна, как морская пена на рассвете, но в ее взгляде все еще читалась настороженность. Она не доверяла мне до конца, и я не мог ее винить. Я нарушил ее мир, вторгся в ее жизнь, и теперь пытался вписать ее в свой, совершенно чуждый ей мир.

— Ты выглядишь... потрясающе, — прошептал я, стараясь не спугнуть хрупкое равновесие, которое мы только что установили.

Она не ответила, лишь слегка наклонила голову, словно пытаясь понять смысл моих слов. Ее пальцы осторожно касались ткани платья, как будто она боялась, что оно исчезнет, если она слишком сильно на него надавит. Я улыбнулся, стараясь передать ей уверенность, которой сам не чувствовал.

— Теперь мы можем выйти отсюда, — сказал я, жестом указывая на дверь. — Но помни, ты должна вести себя как... как обычная девушка. Никакого шипения, никаких резких движений. Просто следуй за мной.

Сирена внимательно смотрела на меня, пытаясь понять

смысл сказанных слов.

Я глубоко вдохнул, стараясь унять нервную дрожь в руках. Предстояло самое сложное – вывести ее незамеченной из замка и адаптировать к людскому миру. Впереди нас ждал тернистый путь, полный опасностей и недоразумений, но я был полон решимости довести дело до конца.

Мы осторожно вышли из подземелья.

Полумрак подземелья сменился тусклым светом коридоров замка. Сирена шла следом, ступая бесшумно, словно тень. Она то и дело оглядывалась, словно ожидая подвоха, и я старался двигаться не спеша, давая ей время освоиться. Каждый шорох, каждое дуновение ветра, казалось, заставляли ее вздрагивать.

Вскоре мы достигли бокового выхода, ведущего в сад. Фредрик остался позади, чтобы замести следы и обеспечить нам отход. Сад встретил нас буйством красок и ароматов. Цветущие розы, жасмин, лаванда – все это было ново и, казалось, пугало сирену. Она остановилась, словно наткнувшись на невидимую стену, вдыхая воздух с опаской.

Пришлось взять ее за руку и осторожно потянуть за собой. Она шла неохотно, с опаской ступая босыми ногами по гравию дорожки. Ее глаза с интересом и настороженностью скользили по окружающему пейзажу. Птицы, бабочки, даже белки – все привлекало ее внимание. Она словно пыталась понять правила этого нового для нее мира.

— О, братец... Не ожидал тебя встретить здесь среди бе-

ла дня.— Вильгельм вынырнул из-за розового куста, словно русалка из пены, его усмешка острее сабли. В руках он сжимал букет орхидей, вырванных с корнем.

Мой кулак сам собой сжался на рукояти кинжала, зашитого в складках плаща. Сирена замерла за моей спиной — чувствовал, как ее дыхание стало частым, горячим у самого уха.

— Кто это у нас? — Виль сделал шаг ближе, растягивая слова, как жвачку. — Неужто та самая графиня из Южных провинций, о чьих подвигах трубят менестрели?

Он кружил вокруг нас, как чайка над палубой с уловом. Сирена прижалась ко мне, ногти впились в запястье через ткань. Капли крови теплой змейкой поползли по ладони.

— Уходи, Виль. Это не твоя забава.

— О, но я обожаю новые игрушки! — он резко наклонился, пытаясь заглянуть в лицо девушке. — Глаза... Интересный оттенок, не часто такой можно встретить. Я бы запомнил.

Сирена зашипела.

Вильгельм замер, его веки дрогнули, уловив что-то нечеловеческое в звуке. Ветер донес запах моря — ее кожа выделяла едва уловимую соль. Я толкнул брата плечом, заслоняя Деву собой.

— У тебя плохое зрение, брат. Это моя гостья, и я не намерен делиться.

Я знал, что Вильгельм не отступит так просто. Он был как

пиявка, присосавшаяся к жертве, пока не выпьет всю кровь. Его глаза, полные хищного любопытства, буравили меня насквозь, пытаюсь понять, что я скрываю. Сирена за моей спиной напряглась, готовая к нападению. Я чувствовал ее нерешительность, ее страх, и понимал, что одно неверное движение может спугнуть ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.